

Виктория Ганчикова, для «Новых Известий»

Шнитке, Башмет, алыт...

Новые известия, 1999 - 28 окт. - 67.

Слушая концерт из произведений Альфреда Шнитке в Большом зале Московской консерватории, вспомнила слова Пласидо Доминго, сказанные в прошлом году, когда композитор еще был жив: «Альфред Шнитке — это гений, которому удалось найти новый музыкальный язык для второй половины XX века. Не нужно быть большим мудрецом, чтобы предсказать, что его музыка будет жить и в последующих столетиях». В этом году Шнитке исполнилось бы 65 лет. Он ушел из жизни в прошлом году, в Германии после продолжительной тяжелой болезни и был похоронен на Новодевичьем кладбище, где только что открыт памятник выдающемуся композитору.

Программа концерта была выбрана и исполнена Юрием Башметом, и, естественно, героем вечера был алыт.

Первое отделение — «Монолог» для алыта и камерного оркестра, затем «Трио-соната» для камерного оркестра. Второе отделение — концерт для алыта и симфонического оркестра.

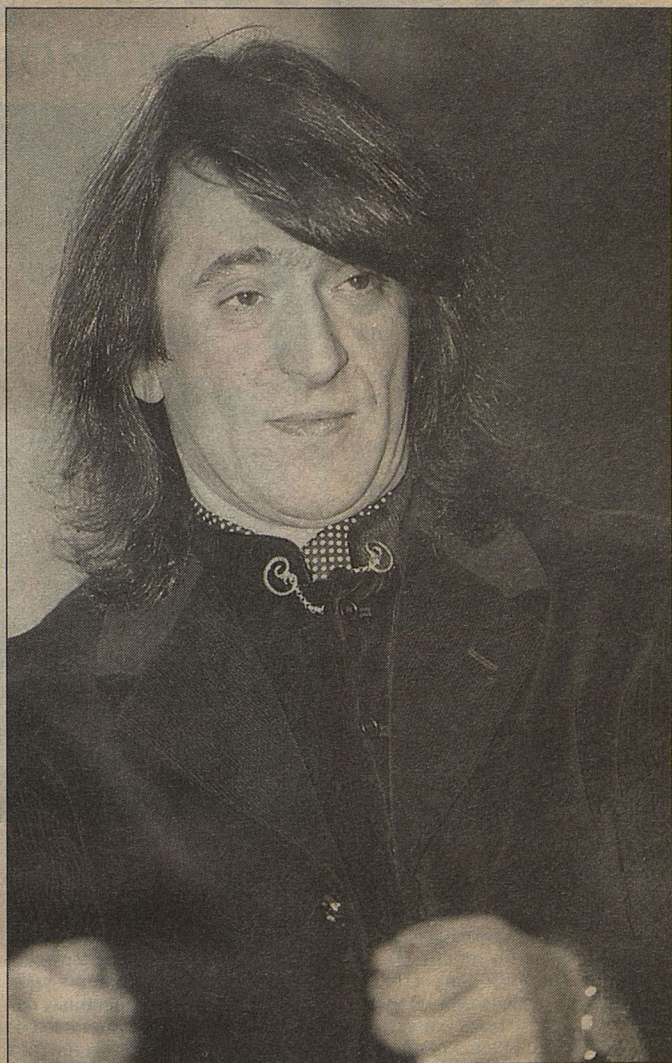
Теперь все реже удается слышать Юрия Башмета в России, он совершает стремительное восхождение на мировой музыкальный Олимп. Юрий Башмет — один из немногих солистов, взявших в руки дирижерскую палочку, но не оставляющий углубленные занятия на своем инструменте. Особенным вниманием у алытиста пользуется современная музыка. Становится трудно перечислить композиторов, посвятивших Башмету свои произведения. Сыграв в Большом зале произведения Шнитке, написанные для него, он уже через несколько дней будет играть в Амстердаме премьеру концерта для алыта Гии Канчели.

«Трио-соната» и Концерт для алыта и симфонического оркестра были написаны Альфредом Шнитке в середине 80-х годов, когда композитор, стремительно пройдя этапы освоения додекафонии, серийной музыки, «новой простоты», полистилистики, свободно экспериментирует с музыкальным материалом. Струнное трио в версии Юрия Башмета для камерного оркестра подняло музыкальные идеи этого произведения на другой уровень. Чистые локальные тембры трех музыкальных

инструментов в групповом исполнении усложнились и углубились. Произошла драматизация, укрупнение материала. Сам композитор вполне признавал эту версию и даже добавил в нее ряд деталей. Разнообразные стилистические аллюзии — от Шуберта до Шостаковича — дают в этом произведении Башмету возможность «поиграть» красками: штрихами, ритмами, темпами. Ему, как дирижеру, удается добиться полного взаимопонимания и слияния со своими «Солитами Москвы». Этот второй камерный оркестр, который создает Башмет, представляется мне намного более перспективным, чем первый, который он «забыл» во Франции. Молодым музыкантам удалось эпизоды механизированной моторики и траурной хоральности. Может быть, не хватало ансамблевой свободы в медитативной лирике, хотя дирижер пытался взять всю ответственность за свободу музыкального дыхания на себя.

Зато с алытом в руках Башмету легко удалось свободно разворачивать материал и позволять себе импровизированные вольности. «Монолог» для алыта и камерного оркестра написан Шнитке в более поздний период жизни. Он вспоминал: «Произошло полное освобождение от технологических норм... Я обратил внимание на очевидные преимущества самоограничения. Прибыв на конечную станцию, я решил покинуть столь переполненный поезд (романтизм, академизм, электрический синтез. — В.Г.). С тех пор стараюсь ходить пешком». При всей кажущейся простоте этого произведения оно бесконечно философично. Алыт звучит у Башмета мужественно и сурово. «Монолог» становится настоящей исповедью, углубленным размышлением о смысле жизни, эпиграфом к которому могут служить слова композитора: «Я нашел ответ, когда понял, что нет ответа».

Концерт для алыта с симфоническим оркестром прозвучал, как апофеоз самых интересных музыкальных идей Альфреда Шнитке. Большой симфонический оркестр, который находится в неожиданно хорошей для нашего времени форме, чувствовал себя в стихии музыки Концерта очень уверенно. В этом длинном и насыщенном

ГЕНАДИЙ ХАМЕЛЬНИН

Восходящий на мировой музыкальный Олимп Башмет.

произведении есть все, чтобы дать исполнителю возможность показать себя и свой инструмент с самой выгодной стороны. Башмет не преминул использовать все возможности: его алыт от самого тончайшего пианиссимо до взлетов кульминаций был неподражаем. Ему одинаково удалось и виртуозные перпетуум мобиле, и романтика медленных частей. Публика от первого ряда до последнего на переполненной галерке, затаив дыхание, впитывала этот благородный тембр. Башмету никогда не была свойственна сентиментальность или краснота. Он элегантен без позы с инструментом или дири-

жерской палочкой. Но все же именно с алытом он — хозяин положения, герой и полководец, которому охотно подчиняется армия музыкантов.

Публика устроила овацию исполнителям и вдове композитора Ирине Шнитке, присутствовавшей в зале. Эти аплодисменты не были «дежурно-юбилейными». Музыка Шнитке свойственна особая трагичность. А во всех исполненных произведениях концентрация трагедии подходит к критической точке. То, что люди хотят слушать такую музыку, говорит о том, что великое музыкальное искусство необходимо, как зеркала времени.